

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 3 (69). № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2017

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 1 от 30 августа 2017 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на-Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Фёдорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Иванова Р. А.

Редактор электронной версии: Костромицкая А. В.

Техническая корректура: Кузьменко Н. С.

Ответственные за выпуск:

Гросфельд Е. В.	канд. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин Н. Н.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Зарапин О. В.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Сафонова Н. В.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Цветков А. П.	канд. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редакционного совета серии:

Тел.: +7-978-736-7713   Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: raisaiivanova2013@yandex.ru

Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать: 25 декабря 2017-12 -26.

Формат 70x100 1/16. 11 усл. п. л. Заказ № НП/144.

Тираж 50 экземпляров (бесплатно)

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

УДК: 091:165.62

СТРУКТУРА ВООБРАЖЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ КАК КРИТЕРИЙ ИХ РАЗЛИЧЕНИЯ В РАБОТАХ Э. ГУССЕРЛЯ

Дрожецкая Е. В.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: elena_drozheckaya@mail.ru

Проблема различения воображения и восприятия представляет для Э. Гуссерля принципиальное эпистемологическое значение. Утверждение о том, что восприятие, в отличие от воображения, предоставляет доступ не к копиям (образам) вещей, как полагают сторонники распространенной «теории отражения», а к самим вещам в их живой телесности, позволяет рассматривать опыт как легитимный источник знания (а в конечном итоге позволяет обосновать возможность науки). Поэтому важно провести между воображением и восприятием не количественную, а качественную, сущностную дистинкцию. Одним из критериев различения указанных модусов сознания является их структура. Однако данный критерий может представляться очевидным лишь на первый взгляд. В зависимости от сложности структуры актов сознания Э. Гуссерль подразделяет их на простые и составные (комплексные, фундированные) акты. В простом акте сознания предметность становится «изначально представимой» для нас, что позволяет сознанию в комплексных актах различными способами относиться к данной предметности (выносить суждения, оценивать, осуществлять бытийные полагания, эмоциональное отношение). Критикуя теорию отражения, Гуссерль обращает внимание на то, что воображение, в отличие от восприятия, является фундированным актом. Это означает, что определенный предмет является, однако сознание имеет в виду не данный предмет в его собственной самости, а посредством него (т. е. используя его как Bildobjekt («объект-образ»), аналог, репрезентант) относится к другому предмету, Bildsujet («основе образа»), который, со своей стороны, не является в живой телесности, а лишь репрезентируется. Данное утверждение имеет целью показать, что свойство «быть образом» придается предмету спонтанной деятельностью сознания и ни в коем случае не может быть рассмотрено как его «реальный предикат». Осуществляя критику «теории отражения», Гуссерль проводит различение между актом восприятия и актом воображения, в котором образ имеет физическую природу. Но существуют акты воображения, в которых образ является ментальным, именуемые Гуссерлем «фантазией». Первоначально Гуссерль осуществлял дескрипцию актов фантазии с помощью аналогичной схемы (Bildobjekt – Bildsujet), также считая данный акт фундированным. Однако в ходе дальнейших исследований он пришел к выводу, что «простое представление фантазии» является простым, а не комплексным актом сознания. Несмотря на то, что данная философская позиция представляется более обоснованной, она в то же время вновь возвращает нас к проблеме сущностного различения воображения и восприятия.

Ключевые слова: восприятие, воображение, фантазия, простые и фундированные акты сознания, Bildobjekt, Bildsujet.

Воображение и восприятие представляют интерес для феноменолога как различные способы, посредством которых сознание «имеет в виду» трансцендентный ему предмет (понятый в широком смысле). Осуществляя

дескрипцию данных модусов сознания, мы тем самым выявляем их сущностные видовые особенности. Однако изучение работ Э. Гуссерля¹ демонстрирует, что проблема различения воображения и восприятия выходит далеко за рамки осуществления феноменологией ее дескриптивной функции.

Так, впервые данная проблема формулируется Гуссерлем в качестве таковой в пятом «Логическом исследовании» в контексте осуществляемой им критики «теории отражения» («Bildertheorie») [1]. Не останавливаясь подробно на положениях указанной теории, нужно отметить, что одним из основных ее моментов является включение образа в структуру восприятия. Данная исследовательская позиция неприемлема для Гуссерля по ряду причин.

Во-первых, ее логическим следствием является невозможность объективного знания (следовательно, ставится под вопрос ценность науки в целом). Если мы полагаем, что сознание не может достичь вещи в ее самости, а имеет дело лишь с образом (копией, подобием) вещи, то налицо солипсическая конструкция, преодоление которой, исходя из заданных условий, весьма проблематично. Сам процесс познания ведет к тому, что нечто «всего лишь субъективное» заслоняет от нас объективность, на таких зыбких основаниях построить науку нельзя. В исследованиях Гуссерля познавательная составляющая играет существенную роль, в связи с чем он легитимирует эпистемологические права опыта, в то время как восприятие, согласно его убеждению, выступает в качестве «праисконного опыта». С этой точки зрения для Гуссерля важно продемонстрировать, что восприятие имеет дело не с квази-реальностью, имеющей сомнительный онтологический статус (Гуссерль прямо говорит о том, что существует лишь одна реальность, считая ее удвоение противосмысленным [2, с. 288]), а, напротив, прямо относится к вещи, достигая ее «живой телесности», т. е. объективной реальности как таковой.

Сторонники «теории отражения», пытаясь устранить солипсическое следствие своих посылок, нередко утверждают, что образы неким неясным способом проникают в сознание извне, «воспринимаются» сознанием. Но в этом случае сознание выступает как пассивная структура, природа которой поддается описанию с помощью пространственных терминов, как рецептивная способность человека, что в равной степени неприемлемо для Гуссерля. Следствием указанного утверждения является натурализм, предполагающий отождествление сознания с вещью.

Как полагает Гуссерль, мышление и бытие представляют собой два сущностно различных региона, несводимых друг к другу, и если мы намерены сделать свое исследование продуктивным, уникальная природа каждого из данных регионов не может быть утрачена. В данной исследовательской позиции фундировано основное гуссерлевское различение акта сознания и интенционального предмета, на который

---

¹ Предметом анализа в данной статье являются «Логические исследования. Т. II. Ч.1: Исследования по феноменологии и теории познания»(первоначальная редакция – 1901 г, впоследствии изложены автором в новой редакции) (далее по тексту – «Логические исследования») [1], «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая» (1913 г.) (далее по тексту – «Идеи I») [2], а также Лекции 1904–1905 гг. (текст №1 «Фантазия и образное сознание», включенный в том IиаХХIII, впервые опубликованный лишь в 1980 году) (далее по тексту – «Лекции») [3]

данный акт сознания направлен (учение об интенциональности сознания). Как отмечает сам автор, простота данного учения обманчива, о чем свидетельствует часто обнаруживающееся непонимание его со стороны ученых [2, с. 278–280]. Следует учесть, что для Гуссерля важно не то, чтобы указанное утверждение в качестве некоего абстрактного тезиса было принято к сведению, а, что гораздо сложнее, то, что необходимо основать в нем методологию исследования, что он и демонстрирует на собственном примере.

Своеобразной чертой сознания как онтологического региона является то, что оно обладает спонтанностью, т. е. свободно от каузальных связей, действующих в мире. Поскольку сознание по своей природе радикально отлично от вещи, с точки зрения Гуссерля, недопустимо наделять его пространственными характеристиками. Противосмысленно полагать, что в сознании как в некоем вместилище содержатся какие-либо предметы (в частности, копии вещей). В связи с этим Гуссерль в контексте критики «теории отражения» перефразирует Канта и утверждает, что «образность» не есть «реальный предикат» вещи. Для того чтобы посредством объекта, явленного нам «во плоти», мы созерцали иной, отсутствующий объект, необходим особый акт сознания, направленный на объект не в его собственном смысле, а как на образ другого объекта, не явленного «в живой телесности». И здесь возникает проблема различения воображения и восприятия. Очевидно, что нельзя доказать тезис о различной природе воображения и восприятия без проведения между ними качественной, а не количественной дистинкции. Положение о том, например, что воображение представляет собой менее отчетливое, «ослабленное» восприятие, не позволяет уловить своеобразие каждого из этих модусов сознания.

Одним из основных критериев сущностного различения воображения и восприятия, предложенным уже в рамках критики «теории отражения», выступает их структура. Гуссерль утверждает, что восприятие является простым, а воображение – фундированным актом [1, с. 385]. С целью прояснения данного положения необходимо обратиться к учению Гуссерля о простых и комплексных (составных, фундированных) актах, которое не может быть понято в отрыве от его воззрений относительно реального и интенционального содержания акта сознания, нозического и нозматического моментов, а также объективирующих актов, содержащихся в «Логических исследованиях» и «Идеях I».

Гуссерль для прояснения своего учения об интенциональности сознания в различных своих работах прибегает к разной терминологии, но основные положения, которые интересуют нас применительно к теме данной статьи, таковы.

В пятом «Логическом исследовании» Гуссерль различает реальное феноменологическое содержание акта (понятого не в смысле «действия», а как переживание сознания (интенциональное переживание)), с одной стороны, и интенциональное (реальное – в смысле отношения к вещественному) содержание акта.

Реальное (имманентное) содержание сознания, которое только и можно назвать содержанием сознания в истинном смысле этого слова, составляют следующие его части и абстрактные моменты (реально выстраивающие акт частичные

переживания): ощущения (не-интенциональные переживания) и апперцепирующие их акты. Апперцепция (схватывание, толкование, интерпретация) не может быть сведена к притоку новых ощущений и представляет собой типологическое свойство акта, «модус сознания», «настроенности», наделяющий комплекс ощущений определенным смыслом [1, с. 351]. Апперцепция есть избыток, существующий в самом переживании, и отличается от ощущения, еще не подвергнутого обработке [1, с. 353].

Реальному содержанию акта сознания Гуссерль противопоставляет его интенциональное содержание (о «содержании» здесь можно говорить лишь условно), различая следующие понятия интенционального содержания: интенциональный предмет, интенциональную материю, интенциональное качество и интенциональную сущность акта [1, с. 365].

В «Идеях I» Гуссерль уточняет свою мысль с помощью учения о нозисе и нозме. Сторону реального содержания сознания он именуется нозетической стороной, которую, в свою очередь, описывает с помощью гилеморфической структуры, где чувственные данные выступают в качестве не-интенциональной *hylé*, а «одушевляющие» их акты сознания – в качестве интенциональной *morphé*. Интенциональное содержание сознания именуется нозматическим моментом, при этом материи (*dieMaterie*) акта, понятой в смысле «Логических исследований», в «Идеях I» соответствует концепция нозматического ядра [2, с. 403], тогда как термин «материал» (*dieStoffe*) в «Идеях I» Гуссерль использует для обозначения гилетического содержания, чувственных данных.

Как можно заметить, нозетическая (актовая) сторона сознания наделена собственной структурой, абстрактные моменты которой составляют не-интенциональные и интенциональные переживания.

Поскольку для Гуссерля интенциональность является важнейшим свойством сознания, интенциональные переживания (смыслопридающие акты) играют в данной структуре существенно более значительную роль, чем гилетический слой. По его мнению, существо, которое бы обладало лишь переживаемыми ощущениями, но не способностью их предметно интерпретировать, не могло бы называться существом, наделенным психикой [1, с. 337]. Поэтому во всех указанных работах он отстаивает позицию, согласно которой воображение и восприятие представляют собой различные модусы интенциональности, различные типы апперцепции, а следовательно, не могут быть редуцированы к чувственным ощущениям и различены, исходя из степени отчетливости последних.

Даже в тех фрагментах, где Гуссерль высказывается о возможном различии гилетического наполнения воображения и восприятия², он настаивает на том, что «возможные различия в содержаниях уже не составляют различия между восприятием и воображением, которое скорее <...> есть различие актов как таковых» [1, с. 458].

---

² Так, уже в §§ 44, 45 пятого «Логического исследования» Гуссерль различает комплексы ощущений, подвергающихся схватыванию в актах восприятия и воображения: в случае восприятия он именуется такие ощущения импрессионными, а в случае воображения – репродуктивными (фантазмами) [1, с. 458, 460].

Поэтому структуру воображения и восприятия как критерий их различения необходимо исследовать именно применительно к интенциональным переживаниям сознания (с актовой, ноэтической стороны), а также к предметностям, конституируемым при помощи данных актов (с предметной, ноэматической стороны).

Приблизиться к пониманию учения Гуссерля о простых и фундированных актах сознания помогает его теория объективирующих актов.

Согласно концепции учителя Гуссерля Ф. Brentano, каждый психический феномен или сам является представлением, или основан на представлении [4, с. 24]. Гуссерль, хотя и не придерживается в «Логических исследованиях» тождественной формулировки ввиду возможных эквивокций, полагает, что любое переживание (акт) сознания либо само является объективирующим актом, либо содержит в своей основе фундирующий его объективирующий («опредмечивающий») акт. По его мнению, «объективирующие акты имеют как раз уникальную функцию – изначально делать представимой предметность для всех прочих актов, ту предметность, к которой последние должны осуществлять свои новые способы отнесения» [1, с. 449].

На предметной стороне сознания (в его интенциональном содержании) Гуссерль коррелятивно различает материю и качество акта, единство которых составляет его интенциональную сущность [1, с. 380].

Материя интенционального акта есть такое его содержание, которое «в первую очередь придает ему отношение к предметному<...> посредством материи не только четко определено предметное вообще, которое подразумевается в акте, но также способ, каким акт его подразумевает» [1, с. 378], материя есть некий способ предметного отношения, не предписанный качеством акта.

Материя акта есть смысл предметного схватывания, с одной стороны, фундирующий качество акта, с другой – безразличный к различиям данного качества, материя акта характеризует его предмет как значимый для акта в качестве этого и никакого другого [1, с. 379].

Под качеством акта в «Логических исследованиях» понимается общее (типологическое) свойство, характеризующее акт, способ предметного отношения, модус (характер) предметной интенции, настроенности [1, с. 375].

Как полагает Гуссерль, «...всякая материя есть <...> материя некоторого объективирующего акта и только посредством такового может стать материей нового, фундированного в нем качества акта» [1, с. 449].

В зависимости от сложности структуры актов все акты сознания Гуссерль подразделяет на простые и составные (комплексные, фундированные).

Простые акты сознания – это объективирующие акты, в них качество и материя не различены. Как полагает Гуссерль, «только то обстоятельство, что интенциональная сущность всех иных актов комплексна, причем так, что она с необходимостью включает в себя сущность представления в качестве одной из своих составных частей, делает теперь различие между качеством и материей обоснованным» [1, с. 392–393].

В случае фундированного акта лежащий в его основе объективирующий акт предоставляет его содержание, т. е. материю.

При этом Гуссерль подчеркивает, что «многослойное строение <...> интенционального отношения осуществляется <...> не в соединении рядом стоящих или следующих друг за другом актов – тогда предмет с каждым актом заново присутствовал бы интенционально, т. е. как повторенный, но в строго едином акте, в котором предмет является один-единственный раз, однако в этой единственности его присутствия достигается цель комплексной интенции» [1, с. 390].

В то время как объективирующий акт является «полным и самостоятельным» актом, т. е. может существовать как отдельное переживание сознания, переплетенные с ним типологические свойства актов указанными характеристиками не обладают.

В «Приложении к §§ 11-му и 20-му» пятого «Логического исследования» Гуссерль относит восприятие к простым актам, а воображение – к фундированным актам сознания, полагая, что воображение как отражающий акт представления фундировано в восприятии и, в отличие от простого представления, непосредственно относящегося к трансцендентной вещи, относится к ней опосредованно [1, с. 384–386]. Поскольку данное «Приложение» в целом посвящено критике «теории отражения», с помощью которой описывается структура перцепции, в указанном фрагменте речь идет об образном сознании, в котором образ при изменении характера интенции может стать предметом восприятия, т. е. являться как физическая вещь (например, картина, скульптура и т. п.). При этом Гуссерль различает две предметности, конституирующиеся в акте воображения: являющийся «объект-образ» («Bildobjekt») и отраженный объект, выступающий в качестве «основы образа» («Bildsujet»). Данная схема применялась при анализе структуры представления К. Твардовским, являющимся сторонником «теории отражения», в его работе «К учению о содержании и предмете представлений» [5]. Критикуя применение данной схемы в отношении восприятия, Гуссерль сохраняет ее для воображения.

Что касается актов воображения, конституирующих свой объект в ментальном образе (фантазия), то в «Логических исследованиях» имеются фрагменты, где Гуссерль относит их к простым объективирующим актам (простым представлениям) [1, с. 391]. Однако в контексте, в котором допускаются такие выводы, Гуссерль решает иные задачи, которые не связаны с различением фантазии и восприятия.

В «Лекциях» Гуссерль уделяет рассматриваемой проблеме пристальное внимание.

В сферу воображения (образного сознания) Гуссерль включает как фантазию (внутренние образные представления, где образ имеет ментальный характер), так и образные представления «в обычном смысле этого слова» (с наличием физического образа). В этом смысле данный термин и будет использоваться в статье. При этом к фантазии он относит не только представление объекта, который схватывается в нейтральной установке, но также воспоминание и фантазирование ожидаемого объекта, являющиеся полагающими модусами сознания.

Первоначально Гуссерль считал как образное представление, так и фантазию комплексными актами и для их феноменологического описания использовал схему, на которую уже ссылался в пятом «Логическом исследовании». Количество элементов данной схемы различается в зависимости от того, является образ физическим или ментальным, то есть в зависимости от того, дан нам объект в образном представлении или в фантазии: в первом случае применяется трехзвенная схема, включающая в себя три предметности, а во втором – двухзвенная, включающая в себя две предметности.

В случае образного представления образ выступает в двойном смысле. Во-первых, образ является как физическая вещь и доступен чувственному восприятию, в котором полагается как реальный объект. В этом смысле об образе можно сказать, что картина висит на стене, при ее написании использовались такие-то краски, скульптура расположена в центре парка, изготовлена из такого-то материала и т. п. Гуссерль указывает: «Те же самые ощущения цвета, которые мы один раз интерпретируем как объективное расположение красок на бумаге, на холсте, в другой раз мы интерпретируем как всадника в образе, ребенка в образе и т. д.» [3, с. 21].

Образ, понятый в данном смысле, функционирует как пробуждающий ментальный образ. Вопрос об отношении физического и ментального образа достаточно сложен, в целом можно сказать, что Гуссерль признает наличие влияния первого на второй.

В случае фантазии физический образ отсутствует, ментальный образ конституируется без опоры на актуальное чувственное восприятие. Однако образ носит репрезентативный (репродуктивный) характер, то есть необходимо еще раз подчеркнуть, что приоритетным модусом сознания для Гуссерля является восприятие, осуществляющее прямое отношение к вещи.

Ментальный образ, который имеется и в случае собственно воображения, и в случае фантазии, Гуссерль именует также *Bildobjekt* («объект-образ»). *Bildobjekt* – это такой объект, который представлен (однако не в собственном смысле) не «как он сам», а как способ, благодаря которому осуществляется репрезентация, приведение к присутствию отсутствующего *Bildsujet*. Это ментальный образ, который сознание никогда не полагает в качестве реального объекта [3, с. 21] и который в случае фантазии «витаает перед внутренним взором» как результат первичной апперцепции, а в случае образного представления вызывается физическим образом. *Bildobjekt* обладает собственным определенным способом явления, который в случае образного представления фундирован в восприятии физического образа.

Как в случае фантазии, так и в случае образного представления имеется *Bildsujet* («основа образа») – это и есть объект, на который направлено сознание, данный объект является, но не «во плоти», а посредством некоторой медиальной структуры – *Bildobjekt*.

В целях более ясного различения физического образа *Bildobjekt* (ментального образа) и *Bildsujet* Гуссерль приводит следующий пример: как физическая вещь (физический образ) на картине «Император Максимилиан на коне» присутствуют

переходы оттенков серого; данные в восприятии линии являются плоскими, однако при их созерцании в воображении перед нашим духовным взором возникает трехмерный ментальный образ всадника, что же касается нашего сознания, то оно направлено не на ментальный образ всадника (Bildobjekt), а посредством данного образа – на императора Максимилиана во плоти (выступающего в данном случае как Bildsujet) [3, с. 21]. Соответственно, в случае фантазии Bildobjekt – это то, что «витают перед нашим внутренним взором» (способ представления), тогда как Bildsujet – это и есть тот объект, который имеется в виду.

Существенным, с точки зрения Гуссерля, является то, что Bildobjekt есть аналогический репрезентант Bildsujet, первый в отношении последнего наделяется качеством подобия, сходства. Здесь мы имеем дело с имманентной репрезентацией. То есть, несмотря на наличие нескольких предметностей, явление только одно, поскольку Bildobjekt есть способ данности Bildsujet, именно в нем и через него мы созерцаем Bildsujet. Таким образом, для воображения как имманентной репрезентации важны как Bildsujet, так и Bildobjekt, поскольку Bildsujet приводится к присутствию именно через Bildobjekt. В случае принятия эстетической установки (которая отнюдь не всегда сопутствует образному сознанию) внимание может быть обращено на Bildobjekt даже в большей степени, чем на Bildsujet.

Сущностным для акта образного представления является сознание различия между Bildobjekt и Bildsujet. Это особенно важно для реализации эстетической установки. Как отмечает Гуссерль: «...если бы являющийся образ был с феноменологической точки зрения абсолютно идентичным подразумеваемому объекту, или, лучше сказать, если бы явление в образе не демонстрировало какого бы то ни было различия с явлением в восприятии объекта в его самости, то образное сознание едва ли могло возникнуть» [3, с. 22]. В «Лекциях» Гуссерль уделяет особое внимание проблеме конкуренции образного сознания (в структуре которого присутствует физический образ) с восприятием. Примером такой конкуренции во времена Гуссерля являлись восковые фигуры. В данном случае, когда провести различие между Bildobjekt и Bildsujet затруднительно и интенция постоянно колеблется от воображения к восприятию и обратно, возникает антиэстетическое чувство. «Эстетические эффекты – это не эффекты ярмарок» [3, с. 44], – отмечает Гуссерль.

В отличие от имманентной, трансцендентная репрезентация представляет собой не образное, а сигнификативное (символическое) сознание, в котором Bildobjekt и Bildsujet связаны лишь внешне, в связи с чем вначале является первый, а затем второй (то есть имеются два самостоятельных явления), и Bildobjekt исчерпывает себя в указательной функции. Интенция следует за указанием, осуществляемым Bildobjekt, и переходит к Bildsujet, не возвращаясь обратно. Можно сделать вывод о том, что имманентная репрезентация представляет собой смыслоосуществляющий акт в смысле §§17, 18 первого «Логического исследования» [1], в то время как трансцендентная репрезентация есть не что иное, как пустая интенция значения. Имеют место случаи дополнения трансцендентной репрезентативной интенции последующей имманентной репрезентативной интенцией (например, плохая

репродукция не позволяет созерцать Bildsujet, но может выполнять функцию знака, вызывающего в памяти более или менее адекватный образ картины).

По мере написания «Лекций» Гуссерль переосмысливал ранее сформулированные им идеи и в главе 8 прямо высказал точку зрения об отсутствии Bildobjekt в случае «простого фантазирования». К описанию структуры «простой фантазии», по утверждению Гуссерля, предложенная им ранее двухзвенная схема неприменима. С ноэтической стороны данный акт сознания характеризуется тем, что в качестве его гилетического наполнения выступают фантазмы, в отношении которых и совершается объективирующее схватывание. В результате объективирующего схватывания на ноэтической стороне не конституируется Bildobjekt, напротив, как указывает Гуссерль, «именно то, что не присутствует, и является незамедлительно» [3, с. 93], простая фантазия «относится к объекту так же прямо, как и восприятие» [3, с. 92].

Таким образом, Гуссерль в указанных работах последовательно придерживается своего первоначального тезиса о том, что восприятие является простым актом, тогда как воображение (в случае физического образа) – комплексным актом. Особое значение в контексте различения восприятия и физического воображения приобретает дескрипция эстетической установки, принятие которой связано, с одной стороны, с переключением внимания с Bildsujet на Bildobjekt (и модификацией нейтральности в отношении полагания Bildsujet), с другой стороны, с наличием ясного сознания различия между «объектом-образом» и его «основой» при одновременном сохранении имманентного характера образности.

В то же время Гуссерль изменил свою первоначальную точку зрения относительно простой фантазии, полагая, что данный акт, как и восприятие, обладает простой структурой, что, с одной стороны, представляется более соответствующим нашему внутреннему опыту, а с другой – вновь возвращает к проблеме отыскания критериев различения фантазии и восприятия с учетом сущностного для сознания свойства интенциональности.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / Э. Гуссерль; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М.: Академический проект, 2011. – 565 с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль, пер. с нем. А. В. Михайлова. – М.: Академический проект, 2009. – 489 с.
3. Husserl E. Phantasy, imageconsciousness, and memory (1898-1925). Dordrecht: Springer, 2005. – 723 p.
4. Brentano Ф. Психология с эмпирической точки зрения // Brentano Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. – 176 с.
5. Твардовский К. К учению о содержании и предмете представлений. Психологическое исследование // Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 252 с.

Drozhetskaya E.V. The Structure of Image Consciousness and Perception as a Distinction Criterion in E. Husserl's Works // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 4. – P. 35–44.

The problem of making a difference between image consciousness and perception plays a great epistemological role in Edmund Husserl's works. The proposition that perception, unlike the image

consciousness, reaches the thing itself but not just the copy (image) of the thing, as it is supposed by the followers of the “image-theory”, makes possible to consider the experience to be the legitimate source of knowledge (and finally to prove the possibility of science). Therefore it is very important to find out not quantitative but qualitative, essential differences between perception and image consciousness. One of the moments, according to which the above-mentioned modes of consciousness may be distinguished, is their structure. This idea may seem evident only at first sight. According to the complicity of structure Husserl draws a distinction between simple acts of consciousness and complex (founded) acts of consciousness. In a simple act the object is set before consciousness as an object, becomes presented to consciousness, and this makes possible to form further reference to this object (so that it may become an object of judgement, evaluation, feeling, desire etc.). Criticizing the “image-theory” Husserl points out that image consciousness is a founded act, unlike perception. It means that the object appears but isn’t taken by itself, it functions like the representant, analogue (Husserl names it “Bildobjekt”), which makes possible for consciousness to have reference to another object, which doesn’t appear and isn’t presented, but is meant by consciousness, is represented (Husserl names it “Bildsujet”). This proposition shows that “being representative” can’t be a “real predicate” of an object but is a result of its peculiar apprehension as such by the spontaneous act of consciousness. Criticizing the “image-theory” Husserl distinguishes between the act of perception and the act of image consciousness in which image has physical nature. But it is necessary to mention that image may have mental nature as well. In the latter case an act of image consciousness is named “phantasy”. At first he supposed that phantasy is also a founded act and gave a description of it using the same scheme (Bildobjekt – Bildsujet). But hereafter he came to the opinion that “simple presentation of phantasy” is not complex but a simple act of consciousness. Despite the latter proposition seems to be more reasonable, it again rises the problem of drawing a distinction between perception and image consciousness.

Key words: perception, image consciousness, phantasy, simple and founded acts of consciousness, Bildobjekt, Bildsujet.

References

1. Gusserl' E. Logicheskie issledovaniya. T. II. Ch.1: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya [Logical Investigations. T. II. Ch.1: Investigations in Phenomenology and Knowledge]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2011, 565 p.
2. Gusserl' E. Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kniga pervaya [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. First Book]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2009, 489 p.
3. Husserl E. Phantasy, image consciousness, and memory (1898-1925). Dordrecht, Springer, 2005, 723 p.
4. Brentano F. Psikhologiya s empiricheskoi tochki zreniya [Psychology from an Empirical Standpoint] // Brentano F. Izbrannye raboty. Moscow, Dom intellektual'noi knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996, 176 p.
5. Tvardovskii K. K ucheniyu o sodержanii i predmete predstavlenii. Psikhologicheskoe issledovanie [On the Content and Object of Presentations. A Psychological Investigation] // Tvardovskii K. Logiko-filosofskie i psikhologicheskie issledovaniya. Moscow, «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 1997, 252 p.